

В лучистой филиграни...

Сборник научных трудов к 65-летию С. М. Шаулова

Уфа — 2014

УДК 82/821.0

ББК 83.3.

В11

В лучистой филиграни... Сборник научных трудов к 65-летию С. М. Шаулова / Сост. Б. В. Орехов, С. С. Шаулов. — Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. — 158 с.

Сборник научных трудов посвящен 65-летию Сергея Михайловича Шаулова, известного отечественного литературоведа, германиста и исследователя творческого наследия В. С. Высоцкого. Тематика работ, публикуемых в этом сборнике коллегами и последователями ученого, стремится отразить многообразие его научных интересов: от проблем зарубежной литературы — до теоретических аспектов смены риторических парадигм европейской культуры, от древности — до самого актуального материала словесности.

ISBN 978-5-87978-813-6

© Коллектив авторов, 2014 (текст).

© Б. В. Орехов, С. С. Шаулов, 2014 (предисловие, библиография).

© А. С. Шаулов, 2014 (дизайн обложки).

Образ Локсия в романе А. Мердок «Черный принц»

«Art, especially literature, is a great hall of reflection where we can all meet and where everything under the sun can be examined and considered»¹.
I. Murdoch. The Fire and the Sun

Одной из характерных тем творчества Мердок является тема двойственности, противоречивости, непредсказуемости человеческого сознания, в исследовании которой писательница следует за великим У. Шекспиром, которого она называла своим учителем и которым всегда восхищалась. Противоречивость сознания присуща главному герою «Черного принца» Брэдли Пирсону. Амбивалентен и аллюзивный образ Эроса, неоднократно возникающий на страницах романа. Суть этой двойственности, по нашему мнению, находит наибольшее выражение в одном из самых важных и таинственных образов «Черного принца» — в образе друга и наставника Брэдли, его издателя и «alter ego» Ф.А. Локсия.

Образ Локсия — разумеется, мифологическая аллюзия на Аполлона, всесильного бога-олимпийца, бога-целителя и прорицателя, покровителя наук и искусств. При этом интересно, что двойственность, присущая Аполлону не меньше, чем, скажем, богу любви Эросу, заложена уже в самом имени наставника Брэдли: Ф (= Феб). А (= Аполлон). Локсий. Если имя «Феб» указывает на светлую природу Аполлона (Феб с греч. — «чистый», «светлый», «блистающий», Феб олицетворяет солнце), то другое его имя — то, под которым мы, в основном, и знаем друга Брэдли, — Локсий, «темный». Примечательно, что из всех бесчисленных номинаций Аполлона автор выбирает имя Локсия («темный», «неясный», «сокрытый»). Образ Локсия поистине является одним из самых загадочных и трудных для интерпретации.

Как указывает Н. Демурова, «одно из объяснений имени “Локсий” связано с темнотой прорицаний жриц Аполлона в Дельфах»². Вполне возможно, развивает исследовательница далее свою мысль, что это та же

¹ Цит. по: *Kakutani M. Iris Murdoch Defends Art Against Plato.* URL: <http://www.nytimes.com/1991/05/21/books/books-of-the-times-iris-murdoch-defends-art-against-plato.html> (дата обращения: 03.10.2014).

² *Демурова Н. Метафоры «Черного принца» // Мердок А. Черный принц / Пер. с англ. И. Бернштейн и А. Поливановой. М., 1977. С. 441.*

«тема “непроницаемости слов”, которую дано превзойти лишь великим, но осмысляемая в мифологическом плане»¹. В этой связи важна символика Патары — домика на берегу моря, который приобретает Брэдли, чтобы работать там «во тьме, одиночестве и чистоте» над своей книгой. Патара является одной из многочисленных деталей-символов, присутствующих в «Черном принце», и аллюзивно отсылает нас к мифологеме Аполлона: «так, по свидетельству Тита Ливия, назывался приморский город в юго-западной Ликии с оракулом Аполлона»², — пишет Демурова. Однако интересно, что Патара в романе Мердок наполняется новым содержанием, отличным от того, которое назначает ей Брэдли. Патара становится особым топосом — топосом любви.

В этой связи важно отметить, что образ Патары, помимо прочего, имеет отношение к прослеживаемой в романе пещерной мотивике, отсылающей нас к знаменитому символу пещеры из VII книги «Государства» Платона и играющей первостепенную роль в идейно-тематическом плане «Черного принца». Так же, как и лондонская квартира Брэдли, Патара является метафорическим воплощением хронотопа пещеры, в котором пребывает герой, со всеми присущими данному хронотопу признаками: отсутствие естественного = объективного света, искусственность, тенность, иллюзорность и др. Однако принципиальное отличие этих двух хронотопов заключается в том, что если квартира Брэдли является хронотопом одного человека, его личным пространством, то Патара в романе становится особым топосом, имеющим отношение не только к Нему, но и к Ней.

С именем Локсия, безусловно, связана и пробудившаяся в Брэдли способность к творчеству. Могущественный бог искусств был сокрыт от Брэдли всю его жизнь, все время его исканий, раздумий, попыток создать что-то стоящее, великое; и только после того, как Брэдли переживает власть черного Эроса, всю силу любви и страданий, его, наконец, настигает «черное пламя вдохновения», которого он так ждал. Великий бог открывает свои тайны лишь посвященным.

Наиболее любопытной в этой связи нам представляется точка зрения, высказанная З. Гражданской на страницах журнала «Литературное обозрение» в 1975 году: «Слово “Локсий”, — пишет Гражданская, — значит по-гречески “Кривой”. Слово “Люксий” (как часто называет себя эта таинственная личность) близко по своему звучанию к слову “Люцифер”, означающему дьявола, сатану... Одно из библейских

¹ Там же. С. 442.

² Там же. С. 441.

наименований сатаны — “Князь тьмы”. По-английски — “Принц тьмы”»¹. «Конечно, с введением этого образа роман приобретает мистический оттенок, — продолжает Гражданская, — из-за античного облика Платона выступает философ-мистик Кьеркегор, один из кумиров писательницы. Но еще сильнее сказывается здесь влияние готики, “черного” романа с его таинственными, фантастическими образами, с прямым вмешательством сатаны в жизнь людей»². 3. Гражданская видит в фигуре Локсия символическое воплощение Люцифера, олицетворение «всемогущего Зла»³, орудием которого стал Брэдли.

Однако подобная трактовка образа Локсия-Люксия (Loxias-Luxius) представляется нам не совсем обоснованной. Знакомство с биографией Мердок, различными исследовательскими работами по поводу ее творчества и философско-эстетических воззрений, а также с большей частью ее художественного наследия позволяет сделать вывод о неприемлемости Мердок какой-либо фантастичности или персонификации добра и зла. Мердок в своих интервью и программных статьях неоднократно обращала внимание на разницу между фантастическим и реалистическим искусством. С последним связано то, что Мердок определяет как “*imagination*” — воображение, отличное, однако, от произвольной фантазии (“*fantasy*”), характеризующей «иллюзорное» искусство⁴. Тонкий психолог и философ Мердок исследует глубины души человеческой, стремясь в своем творчестве приблизиться к человеку реальному. Такие фигуры, как Локсий, у Мердок — художественные образы (“*images*”), в которых — «адекватное воплощение реальности»⁵, видимо, прежде всего, реальности внутреннего мира человека во всей его сложной многогранности и противоречивости. Поэтому возникающая в романе аллюзия на Люцифера, по нашему мнению, имеет отношение не к персонифицированному образу Сатаны — объективно существующему «князю тьмы», вмешивающемуся в людские судьбы, а к той тьме, которая пребывает в душе человека.

В этом отношении очень интересным нам представляется мнение Н. Демуровой по поводу интерпретации заглавной метафоры романа, в непосредственной связи с которой находится и образ Локсия.

¹ Гражданская 3. Черный принц – кто он? // Лит. обозрение. 1975. № 3. С. 87.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См. об этом: Мердок А. Против бесстрастия / Предисл., пер., прим. и коммент. Д. Бак, 1991. С. 169. URL: http://www.ecsocman.edu.ru/data/871/925/1219/21_Ajris_MERDOK.pdf (дата обращения: 03.10.2014); Мердок А. Суверенность Блага / Пер. с англ. Е. Востриковой и Ю. Кульгавчук // Логос. 2008. № 1. С.117-137. URL: <http://www.hse.ru/data/811/533/1238/Мердок.pdf> (дата обращения: 03.10.2014) С. 123-124.

⁵ См.: Мердок А. Против бесстрастия. С. 169.

Исследовательница отмечает труднопереводимость английского “the black prince”, так как «“prince” — это не только “принц”, но и “повелитель”, “владыка”»¹, и дает такое осмысление названию романа: голдинговский «повелитель мух». «Возможно, это тот “повелитель мух”, то зло в самом себе, которое должен преодолеть художник в своем стремлении к конечной правде, составляющей смысл искусства»², — пишет Демурова. В романе «О приятных и праведных» (“The Nice and the Good”), созданном за пять лет до «Черного принца», Мердок в уста главного героя вкладывает следующие слова: «Есть демоны и злые силы вне нас <...>, но это — карликовая мелочь. Большое, истинное зло внутри меня. Это я есмь Люцифер»³.

Здесь возникает тема внутренних «демонов», терзающих разум и чувство человека: «...существуют какие-то силы, которые одолевают нас изнутри, как демоны, выпущенные на свободу»⁴. Демонами Мердок называет различные субъективные устремления индивида, нередко оказывающиеся губительными. В этой связи интересно вспомнить платоновский образ души-колесницы, имеющий отношение, в том числе, к проблеме двойственности Эроса: в то время как белый конь стремится ввысь, туда, где живут божества, черный конь тянет душу вниз, обратно в пещеру, обрекая ее на танатос. Брэдли Пирсон постоянно находится в этой борьбе, в этом метании между двумя полюсами: между белым и черным, между светом и тьмой, между разумом и чувством: “I tried to grasp and to arrest these giddy convulsions of the spirit, lying on my back on my bed and watching the window glow from dark to light and fade again from light to dark”⁵. Это световое «мигание» метафорически передает характер внутреннего состояния Брэдли, его сложной, противоречивой души, то светящейся, то вновь отворачивающейся от света.

Имя Люцифера заключает в себе и синавгический⁶ аспект. “Lucifer” в переводе с латинского — «несущий свет» (lux, lucis — свет и ferre — нести, носить). При этом важно то, какой именно свет несет Люцифер. Если исходить из платоновской теории трех светов, то свет Люцифера, разумеется, нельзя соотнести ни с солнечным, эйдетическим светом, ни со светом объективным, то есть излучаемым Другим. Люциферов свет предельно субъективен, Люцифер есть тот, кто видит из себя, в своей

¹ Демурова Н. Указ. соч. С. 440.

² Там же. С. 442.

³ Мердок А. О приятных и праведных / Пер. с англ. М. Канн. М., 2008. С. 296.

⁴ Ивашева В. В. От Сартра к Платону // Вопросы литературы. 1969. № 11. С. 142.

⁵ Murdoch I. The Black Prince: Introduction by Candia McWilliam. L., 2006. P. 351.

⁶ Синавгия (греч. συναυγία — «со-светие», «со-очие») — теория зрения как наложения трех типов света. Основные положения концепции синавгии раскрываются Платоном в диалогах «Государство», «Тимей», «Менон», «Тезтет» и др.

гордыне отрицая свет Другого. Именно за это, согласно христианскому мифу, Светоносец и был трагически изгнан из божественных сфер. В этой связи имя, которым себя иногда называет Локсий, приобретает примечательную знаковость, поскольку корневая морфема этого имени — “lux” — указывает на идею непроницаемости разума для солнечного света, заложенную в мифологеме Локсия. Неслучайно поэтому именно с образом Локсия-Люксия связан в романе черный Эрос: “I know that the black Eros which had felled me was consubstantial with another and more secret god”¹. Вслед за Платоном коннотативность черного Эроса у Мердок подразумевает идею деструктивности и смерти.

Таким образом, по нашему мнению, черный принц, черный Эрос в романе — это не просто какая-то внезапно ворвавшаяся в жизнь героя внешняя сила, влияющая на его поступки, предопределяющая его судьбу. Хотя Брэдли и говорит о шахматной партии с неким темным лордом (“the dark lord”), в конце концов, эту партию он ведет с самим собой.

Однако этой связью с разрушительностью субъективного света образ Локсия, по нашему мнению, не исчерпывается. Неслучайно ему отводится в романе такая большая роль. “A *truthful vision finds the fullness of reality everywhere and the whole extended universe in a little room. That old brick wall which we have so often contemplated together, my dear friend and teacher: how could I find words to express its glowing beauty, lovelier and more sublime than the beauty of hills and waterfalls and unfolding flowers? These are indeed vulgarisms, commonplaces. What we have seen together is a beauty and a glory beyond words, the world transfigured, found. It was this, which in the bliss of quietness I now enjoy, which I glimpsed prefigured in madness in the water-colour-blue eyes of Julian Baffin*”² (курсив наш. — Т. Т.), — с такими словами обращается Брэдли к Локсию в послесловии к своему роману.

Создавая свою формулу идеального государства, Платон изгоняет из него художников, и вот по какой причине... Знаменитое определение Аристотеля гласит, что искусство есть подражание прекрасной природе. Однако, согласно Платону, природа тоже есть подражание. Она принадлежит вещному миру, миру теней, и подражает истинным эйдосам. Поэтому художник для Платона — подражатель третьей степени, он порождает произведения, стоящие на третьем месте от сущности, от истинной идеи вещи. «Все поэты, начиная с Гомера, воспроизводят лишь призраки добродетелей всего остального, что служит предметом их творчества, но истины не касаются»³, — пишет Платон. Однако для

¹ Murdoch I. Указ. Op. cit. P. 235.

² Ibid. P. 391.

³ Платон. Диалоги. М., 2008 (Печатается по изд.: Платон. Сочинения: В 3 т. / Под общ. ред.

Мердок искусство теснейшим образом связано с такими понятиями, как правда и добродетель. Искусство, по мнению Мердок, может быть истинным, и поэтому в «Черном принце» так важна связь темы искусства с темой любви. Истинное искусство, согласно Мердок, «открывает нам те аспекты мира, которые наше обыденное притупленное мечтательное сознание увидеть неспособно. Оно разрывает окружающую нас пелену и придает смысл понятию реальности»¹. Любовь Брэдли соединяет его со всей вселенной, позволяет узреть истину и пробуждает в нем способность к творчеству. Однако важнейшим моментом является то, что понимание — как своих прошлых заблуждений и ошибок, так и истинной сущности своей любви — полностью формируется в сознании Брэдли только после встречи с Ф. А. Локсием: “Human love is the gateway to all knowledge, as Plato understood. And through the door that Julian opened my being passed into another world”².

Итак, образ Ф. А. Локсия, как и многие другие образы Мердок, амбивалентен. С одной стороны, он намекает на идею затемненности и субъективности обособленного сознания. С другой стороны, в нем также заложена идея аполлонического светлого разума, связываемого у Мердок с надеждой на духовное просветление и творческое вдохновение.

По Мердок, достижение Блага в жизни — задача невероятно трудная и, возможно, даже неосуществимая: «Благо загадочно из-за человеческой слабости и хрупкости, в силу того, что находится от нас на огромной дистанции»³. Однако в «Черном принце» есть надежда на силу истинного искусства, надежда на свет искусства, способный не только осветить пещеру, но и вывести из нее. И в этом смысле сама книга Брэдли Пирсона есть художественная манифестация выхода из пещеры. Неслучайно роман завершается словами Локсия: “Art tells the only truth that ultimately matters. It is the light by which human things can be mended. And after art there is, let me assure you all, nothing”⁴.

А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. М., 1971—1972. С. 428.

¹ Мердок А. Суверенность Блага. С. 136.

² Murdoch I. Op. cit. P. 390.

³ Мердок А. Суверенность блага. С. 136.

⁴ Murdoch I. Op. cit. P. 416.